

За чужими
ОКНАМИ

Читайте повести и рассказы
Марии Метлицкой
в серии «За чужими окнами»

Наша маленькая *жизнь*

То, что *сильнее*

Машкино *счастье*

Беспокойная жизнь
одинокой женщины

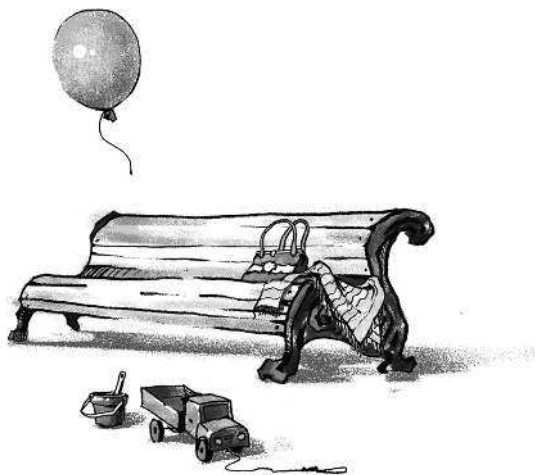
Второе *дыхание*

Испытание
медными трубами

Всем *сестрам...*

И шарик *вернется...*

Мария
Метлицкая

И шарик
вернется...

МОСКВА

2016

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М54

Художественное оформление серии *П. Петрова*

Метлицкая, Мария.

М54 И шарик вернется... / Мария Метлицкая. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 352 с. — (За чужими окнами. Проза М. Метлицкой).

ISBN 978-5-699-62262-7

В молодости даже самые незначительные неприятности кажутся вселенской трагедией. В зрелости приходит мудрость и начинаешь понимать, что разочарование обязательно сменится надеждой, а вслед за утратой придет обретение.

Героини нового романа Метлицкой не понаслышке знают, что жизнь не бывает только несчастливой или только счастливой. Встречи и бурные романы, предательство и разлуки, рождение детей и потеря близких — их жизнь, кажется, мало отличается от жизни обычных женщин. Но у них есть то, что редко встречается, — настоящая дружба, и они точно знают: все изменится, все перемелется, со всем можно справиться. Главное — чтобы рядом были близкие люди...

УДК 821.161.1-31

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-62262-7

© Метлицкая М., 2012

© Оформление.

ООО «Издательство «Э», 2016

Таня

На кухне опять раздался омерзительный металлический грохот, куда хуже дребезжащего звонка будильника. Ясно — соседка Лиза грохнула что-то специально, скорее всего, крышку от сковородки или кастрюли. Это у нее правило — будить так соседей, иначе день не заладится. Танина комната ближе всех к кухне, и она слышит, как мама выговаривает Лизе: «Нельзя ли потише! Все еще спят». Лиза отвечает, что она не специально. Как же! Лиза ненавидит весь мир в целом и семью соседей в частности, и с особым усердием. Это понятно — Танина мама красавица, и это раз. У нее есть муж и двое детей, и это два. Есть бабуля, которая ведет хозяйство и помогает с детьми, это уже три. И самое главное, Танины родители недавно вернулись из-за границы. Мама одевается в «Березке», у них новая, сверкающая синим лаком машина, и заканчивается отделка отдельной трехкомнатной квартиры в новом кооперативном доме на юге Москвы. «Мало кто это выдержит, — смеется мама. — А тем более Лиза». Лиза старая дева, у нее никогда не было мужа. Цвет лица у нее серо-желтый, бабушка говорит, что от зависти. Волосы лежат вдоль лица паклей, сколько бы Лиза ни ходила

«на бигудях». Она даже спит в них — металлических, с дырочками и черными резинками. Нос у Лизы длинный и хрящеватый. Уголки тонких, почти бескровных губ опущены. На лице всегда брезгливая гримаса. Она даже не скрывает, что всех ненавидит. Еще у нее кривые ноги и низкий, приплюснутый зад. В общем, не повезло человеку, что говорить. Живет она со старухой матерью, маленькой, кривобокой и беззубой, похожей на мышь. Лизина мать обожает шуровать по соседским кастрюлям. Таня однажды видела, как старуха залезла в кастрюлю с борщом и пальцами выловила кусок мяса. Таня сказала об этом бабуле, а та вздохнула и ответила: «Не пойман — не вор». Борщ, конечно, вылили и с тех пор все кастрюли и сковородки уносили на балкон. Еще бабуля вспоминала, как раньше они жили на Петровке, в коммунальной квартире, где, кроме них, жили тринадцать семей, и все дружили, ходили друг к другу на дни рождения, угощали пирогами и никто по кастрюлям не лазил. Но скоро этот кошмар кончится, они вот-вот переедут, и тогда у всех будет по комнате — у папы с мамой, у нее и у девочек. Девочки — это Таня и маленькая Женечка. Женечке всего два года. Она толстенькая и кудрявая, как кукла. У нее замечательный характер: она не плачет и не капризничает, спит ночами и хорошо ест. «Не то что ты», — укоряет мама Таню. По семейным преданиям, Таня не спала до трех лет, орала как резаная и почти ничего не ела. Мама любит об этом вспоминать. «Так что Женечка по сравнению с тобой — ангел», — говорит мама.

Таня не обижается и не ревнует — Женечку она любит больше всех на свете. Даже больше мамы. Она обожает целовать и тискать сестру.

Та вырывается, но не плачет. Смеется. Золотой ребенок!

Таня открывает глаза и, укутавшись в одеяло, смотрит в потолок. Вставать совсем неохота, тем более что сегодня понедельник, начало недели, до воскресенья далеко. Короче, тоска. Мама заходит в комнату и объявляет подъем. Таня ворчит и отворачивается к стенке. Но с мамой такие номера не проходят — она стаскивает с Тани одеяло, Таня смотрит на часы и бежит умываться. Потом она надевает форму, повязывает отглаженный бабулей галстук и стоя пьет чай с бутербродом. Мама сидит за столом и, высунув кончик языка, старательно красит ресницы. На работу ей ехать далеко — на другой конец Москвы. Мама свою работу обожает. Хотя что там можно обожать? Таня не понимает. Одни цифры — мама экономист. Отец уже на работе — он уходит совсем рано, когда все еще спят, и не сталкивается на кухне с противной Лизкой. Таня забегает в комнату, чмокает теплую и сонную Женечку и выскакивает за дверь. Лифт ждать неохота — он ползет, как старая черепаха, — и она быстро сбегает по лестничным пролетам. Скорее на улицу! Там, между прочим, уже весна, и Верка, наверное, уже нетерпеливо постукивает носком туфельки, ожидая Таню. Верка всегда выходит первая.

Верка

Гарри заходит в комнату дочери тихо, как будто не собирается ее будить. На самом деле, конечно, собирается, именно за этим он и пришел. Он включает проигрыватель, иголка слег-

ка шипит и царапает пластинку, и наконец раздаются первые аккорды. Это Вивальди — «доброе утро» от Гарри. Он присаживается на край Веркиной кровати и гладит ее по голове. Верка недовольно дергается и отодвигается к стенке. Гарри встает и распахивает шторы. В комнату врывается узкая полоска яркого солнечного света. Верка жмурится и потягивается.

— Пора! — говорит Гарри и спешит на кухню. Дверь в Веркину комнату он не закрывает, чтобы она слышала запах кофе и поджаренных в тостере гренок. Верка, зевая, садится на кровати и вслух считает: «Раз, два, три». Дальше отступать некуда, и, кряхтя, она встает. В ванной долго разглядывает себя в зеркало и тяжело вздыхает: ну почему она не похожа на маму? Ведь мама была такая красавица — пепельные локоны до плеч, серые глаза, темные брови. Все мужчины оборачивались ей вслед, даже в последние месяцы ее жизни. Хотя нет — последние три месяца она уже не выходила на улицу, только лежала. Два года назад она умерла от тяжелой и долгой болезни. Очень долгой. Последние семь лет она все время лежала в больнице — месяц дома, два месяца в больнице. Гарри ездил к ней каждый день после работы — как бы ни уставал. Тогда он и научился готовить — и первое, и второе. Записывал мамины рецепты — она его всему научила, даже печь пироги. Было немного смешно смотреть на него: в переднике, на кухне — красавец Гарри, лощеный, волосок к волоску, длинные пальцы, узкая кисть. Мама называла Гарри аристократом. Нет, аристократом по рождению он не был — обычная, трудовая семья из украинского местечка под

Винницей: отец — мельник, мать — на хозяйстве, в семье пятеро детей. Все выросли приличными, но обычными людьми. «Выбился» один Гарри — стал известным адвокатом. «А в детстве пас коров», — смеялся он.

Когда хоронили Лию Аркадьевну, Веркину мать, Гарри сказал дочери на кладбище: «Я теперь тебе и отец, и мать. Не женюсь, пока тебя не выращу. Ни одной женщины в доме не увидишь». Верка всхлипнула и кивнула. Гарри слово сдержал. Все воскресенья и праздники проводил только с дочерью. В отпуск на море — тоже вдвоем. Верка понимала, что отец — завидный жених, но была спокойна. Знала, что свое слово Гарри не нарушит. Таня говорила, что Верка — эгоистка. Наверное, так оно и было. Но ничего поделаться с собой она не могла. Да и не хотела, чтобы кто-то занял мамино место в спальне или за кухонным столом. И потом, им и без посторонней женщины живется замечательно — Верка была в этом абсолютно уверена.

На столе стояла чашка с кофе — тоненькая, розовая, с золотым ободком. Мамина чашка. Верка пила кофе только из нее. На тарелке — тосты, и в розетке — клубничный джем. Покупной, но вкусный. Гарри, в белой рубашке, в синем, в полоску, галстук и сером костюме, сидел напротив и пил кофе.

— Ты красавец, пап! — искренне сказала Верка, как всегда, залюбовавшись отцом.

— Ну кто ж об этом не знает, — важно кивнул Гарри, и они рассмеялись.

Верка посмотрела на часы, торопливо глотнула кофе и вскочила со стула.

— Опаздываю! — крикнула она из коридора.

— Беги. Знание — сила. Я иду сегодня попозже, к двенадцати. Сразу в суд.

На пороге Верка столкнулась с Зиной. Зина приехала из деревни пять лет назад, работала дворником и жила «на служебной площади», в шестиметровой комнате в соседнем подъезде. Нанималась к жильцам на подработку — вымыть окна, вытрясти ковры, помочь с генеральной уборкой. К Брусницким она ходила два раза в неделю — убрать квартиру, постирать и погладить. Зина была высокая, полноватая, очень белокожая, с большими, небесного цвета испуганными глазами — словно всегда ожидала подвоха или неприятностей.

Верка крикнула ей: «Привет!» — и побежала по лестнице вниз. Громко застучали каблук новеньких лаковых босоножек — предмет зависти всех знакомых девчонок. Кроме Тани, конечно. Таня была лучшей подругой, поэтому зависть исключалась.

Лялька

Будильник вопил истошно, истерично. Лялька шарила рукой по тумбочке, пытаясь выключить адский инструмент. С закрытыми глазами получалось плохо, вернее, совсем не получалось. Глаза пришлось открыть. Она с силой нажала ненавистную кнопку, и будильник дернулся и замолчал. Лялька полежала еще минут десять и, поняв, что опять проваливается в сон, резко вскочила и села на кровати. Она с тоской посмотрела на еще теплую и уютную подушку, мотнула головой, нащупала тапки и поплелась в

ванную, залезла в душ и включила холодную воду. Было холодно и ужасно противно. Кожа покрылась крупными пупырышками.

— На тебе сошелся клином белый свет! — заголосила она.

Стало чуть легче. Потом она торопливо сочитала до ста и выключила воду. Так Лялька воспитывала характер. Этому с детства учил ее отец.

— Чтобы не быть рохлей, — приговаривал он, растирая крошечную Ляльку жестким, мокрым и холодным полотенцем.

Лялька с детства знала, что быть рохлей — это унизительно и отвратительно. Обиднее слова нет. Рохля — это тот, кто не может за себя постоять, не может принять решения. Рохля — это обязательно плакса и трусиха, готовая прожить всю свою жизнь за чьей-то спиной. В общем, самое жалкое и безвольное существо, которое даже жалости недостойно — только презрения. Чтобы не быть рохлей, надо обливаться холодной водой по утрам, бегать на лыжах, плавать в бассейне, есть по утрам геркулесовую кашу без сахара и масла и тертую морковь на ночь. Только морковь и стакан кефира. Никаких пирожных и конфет.

— А то будешь, как... — Тут отец замолчал.

И Лялька понимала, что он имеет в виду. Вернее, кого. Конечно, мать. Обидно, но мать действительно была рохлей — плаксивой, болезненной. Любая проблема, даже самая малая, житейская, становилась для нее вселенской катастрофой. Хозяйкой она была посредственной, деньги тратила неразумно, одевалась блекло и безвкусно и красила губы бледно-розовой

«мертвяцкой» помадой. Высшего образования у нее тоже не было, работала она воспитательницей в детском саду.

Как красавец и умница отец мог на ней жениться! Лялька недоумевала, хотя эту историю знала. Отец приехал в Москву из Горького, поступил в Бауманский, жил в общежитии впроголодь, на одну стипендию. С матерью познакомился у дальних родственников. Те сказали, что девочка — сирота, очень скромная и тихая, со своей отдельной квартирой. В общем, встретились, погуляли, зашли к ней выпить чаю. А выпили вина. Вместе проснулись. Он заторопился в общежитие, думал, что больше с ней не увидится. А она нашла его через два месяца и сказала, что беременна. Сыграли свадьбу. Родилась Лялька. Отец жил в одной комнате, мать с Лялькой в другой. Общались как соседи. Мать готовила еду и стирала отцу рубашки. Отец отдавал ей часть зарплаты и жил своей жизнью. Лялька не знала, что родители договорились: пока ей не исполнится восемнадцать, будут сохранять видимость семьи, чтобы не травмировать ребенка. Дураки! Как будто Лялька ничего не понимает! Смешно, ей-богу! Но это не ее дело. Как решили, так решили. Мать она любила и жалела, относилась к ней с долей презрения и брезгливости. Отцом восхищалась. Да что там восхищалась! Отца она обожала и боготворила.

Самым большим счастьем была его похвала — за что угодно. «Хорошо, что родители на работе, — подумала она. — Никто на мозг не давит и не поучает!»

Лялька съела остывшую безвкусную кашу, выпила чаю и надела ненавистную форму. «Скорее бы каникулы!» Задержавшись на минуту у зеркала, она заперла дверь на два замка и побежала вниз по лестнице, распахнула тяжелую дверь подъезда и увидела Таню с Веркой.

— Двинули?

Девчонки кивнули.

Светик

Мать зашла в комнату, подошла к Светику, поцеловала ее в нос и замерла, залюбовалась. Тень от Светиковых ресниц лежала на смуглых, цвета нежного персика, щеках. Локон темных волос на лбу, тонкие, шелковистые, ровным полукругом брови. А нос, а рот! Все — произведение искусства. И она в который раз удивилась — как такое могло получиться? Такое вот чудо. Она сложила руки на груди и продолжила любоваться дочерью. Мимо раскрытой двери прошел муж, отец Светика. Увидев жену, вздохнул и улыбнулся — он вполне разделял ее чувства.

— Светик! — шепотом произнесла мать.

Будить дочь для нее всегда было наказанием — Светик так сладко спала и была так прекрасна!

Светик наморщила нос и медленно открыла глаза.

— Вставай, мое солнышко! — нежно пропела мать. — Опоздаем!

Светик сладко потянулась и села на кровати.

— Умница моя! — опять умилилась мать.

Когда Светик вышла из ванной, на кухонном столе стоял стакан свежего морковного сока и натертое яблоко, политое медом. Светик недовольно поморщилась и нехотя принялась потягивать сок. Мать встала сзади и аккуратно начала расчесывать густые Светиковы волосы. На кухню вошел отец и пропел:

— Утро красит нежным светом!

Светик вздохнула и скорчила гримаску. Отец подошел к ней и с явным удовольствием чмокнул в щеку. Светик дернулась.

— Ну пап! — капризно протянула она.

Поковыряв в тарелке натертое яблоко, Светик отодвинула его:

— Не хочу.

— Светик! — расстроилась мать.

Светик надела школьную форму, сшитую, естественно, на заказ и потому довольно красивую: юбка гофре, передник с узкими крылышками, воротничок из натурального кружева. На высокий «конский хвост» нацепила перламутровую заколку-бант, предмет зависти всех девчонок в классе и во дворе. Довольно оглядела себя в большое, в рост, зеркало и вышла в коридор. Отец уже стоял одетый — в светлом плаще, заморской клетчатой кепочке, с блестящим кожаным портфелем в руке.

Мать обняла Светика и расцеловала в обе щеки, сунула пакет с бутербродами в портфель — Светик никогда не ела в школьной столовке. Отец вызвал лифт, а мать стояла на пороге квартиры и махала рукой, потом, закрыв за мужем и дочерью дверь, оглядела квартиру: как всегда, предстоит уборка — пылесос, тряпка, щетка. Потом — обед из трех блюд. Еще не-

пременно какой-нибудь десерт: пирог или пудинг, Светик обожает сладкое. Мать Светика не работала — была домашней хозяйкой. Такую роскошь позволить себе, как правило, обычные советские женщины не могли, а она могла — не у всех мужья занимают ТАКИЕ посты. Да и вообще, не у всех такие благополучные семьи и далеко не у всех такой материальный достаток. На улице стояла служебная машина Светикова отца. Он сел на переднее сиденье, а Светик расположилась на заднем. Машина медленно двинулась по двору. В окно Светик увидела своих подружек — Таню, Верку и Ляльку — и помахала им. Им было не по пути — Светик училась во французской спецшколе, пешком далеко, минут тридцать. Каждое утро отец подвозил ее на своей машине.

Зоя

Зое не нужен был будильник — она вставала сама, четко, за минуту до звонка, не позволяя себе нежиться в постели ни минуты. Быстро вскакивала, открывала окно настежь — в любую погоду — и под бодрые звуки радио начинала делать утреннюю гимнастику. Потом она быстро бежала в ванную, умывалась и, накинув халатик, выходила завтракать. Мать уже стояла у плиты, следом на кухню выходил отец. Мать раскладывала по тарелкам овсяную кашу. Завтракали молча, чтобы не разбудить бабушку. Бабушка была главным членом семьи. Еще бы — соратница самой Надежды Константиновны Крупской, заслуженный человек, персональная пенсионерка, фронтовичка, писательница. Кстати, эту